

С. Соловьев

Артеми́с Колонна в Москве

"Наше наследие", 1989, No 6

[OCR Бычков М. Н.](#)

Artemis Colonna подражает Айседоре Дункан. Малейшее отступление от оригинала является у нее только искажением, только несовершенством. Там, где Колонна не привносит своего, нового в пляску, она - положительно хороша, а минутами до полной иллюзии напоминает Дункан. У нее есть умение изящно драпироваться, менять одежды соответственно выражаемым настроениям. Из неудачных попыток отойти от приемов Дункан отметим прибегание к не художественным, а реалистическим способам выражения, что, придавая характер психологической драмы, в корне искажает значение ее искусства. В неудачной пантомиме "Девушка и смерть" Колонна позволяет себе стучать ногами, громко вздыхать, прижимать руку к сердцу. В другом месте она производит что-то вроде... воздушных поцелуев. Эти приемы особенно поражают видевших художественное совершенство Дункан.

Айседора Дункан - целомудренно умеренна. Она многое оставляет нераскрытым до конца, предоставляя работать художественной фантазии зрителя. Мы предполагаем, что она рассыпает цветы, собирает их, подымает в небо. Но никаких цветков налицо нет. Колонна злоупотребляет цветками, без толку разбрасывая их во время пляски. Она подчеркивает то, что едва намечено Айседорой. В глазах многих это - шаг вперед. На наш взгляд - здесь только искажение, опошление. Колонна любит внешние эффекты. Непрерывно она является в новом пятне света, то в голубом, то в красном, то в желтом. Сначала это нравится, но потом приходит мысль: разве были в ходу гейслеровы трубки, когда нимфы плясали на зланных полях, возле струй Диркейского источника?

Колонна слишком часто и шумно падает на пол. В ее движениях есть истеризм, реалистичность. Высшее искусство всегда спокойно и радостно. Эти спокойствие и радость полновластны в трагических хорах Софокла. Айседора Дункан так прекрасно падает в предсмертном отчаянии, изображая Ифигению, что трагический ужас свободно разрешается в художественном созерцании. Колонна приближается к Еврипиду с его слабой стороны. От нее не веет горним холодом вечной красоты. Она подменяет иногда трагизм - плаксивостью, к ней идут язвящие вопли героинь Еврипида. Ее тело не кажется орудием духа, как тело Дункан. Ее руки - и ноги сравнительно тяжелы, массивны, чувственны, внешне красивы. У Дункан - таинственная, божественная красота. У Колонны - смазливость. Оттого в ее наготе нет безусловного целомудрия, отличающего Дункан. В созерцающем Колонну не совершается катарсис - очищение, которое и есть конечная цель искусства. Впрочем, мы избалованы Айседорой Дункан. Отведав лучшего вина, не захочешь худшего. Не следует забывать и несомненного, исключительного значения Колонны. Она показывает, что пляска Дункан не должна оставаться единоличным случаем, что ей можно подражать. Напрасно только Колонна вздумала поправлять Айседору Дункан и подкрашивать помадой мраморные губы Венеры Милосской. Конечно, розовое более реально и поэффектнее. Но, тем не менее, пусть губы Венеры остаются белыми.

Нам хотелось бы, чтобы Колонна была не "в стиле мисс Дункан", а "ученицей мисс Дункан". Тогда наслаждение, доставляемое ее пляскою, ничем бы не отравлялось. Между тем, распространение пляски Дункан указывает на возможность составлять хороводы Вакхических плясок. Возрождаются менады, с торсом, венчанным золотоцветными побегами плюща, в пестрых оленьих шкурах. Они славят веселого бога виноградной лозы, подающего забвение печалей.

*Дивно нас врачует он,
Бога Вакха дар волшебный.*

Но сам бог остается скрытым. Мы обязаны угадать его истинный лик. Воскресают жрецы. Воскреснет и бог.